Илья Кричевский

ПУТЬ К РЕЙХСТАГУ

Издательство „Изобразительное искусство“, 1990

Илья Кричевский

ПУТЬ К РЕЙХСТАГУ

Фронтовые рисунки

Москва
„Изобразительное искусство“
1990

ББК 85.153(2)7
К 82

Литературная запись Л. КРИЧЕВСКОЙ

Макет и оформление художника В. СЫСОЕВА

К 4903040000-114 / 024(01)-90 31-90

ISBN 5-85200-130-9

© Издательство «Изобразительное искусство», 1990

1. Автопортрет. 1945

Илья Давидович Кричевский родился 26 июня 1907 года в городе Чернигове. Любовь к рисованию зародилась у него еще в раннем детстве. В двенадцать лет он поступил в городскую студию изобразительного искусства, а в 1925 году в Киевский художественный институт на полиграфический факультет. В 1927 году Кричевский перевелся на третий курс Высшего художественно-технического института (Вхутеин) в Москву и в 1930 году его закончил. Его педагогами были Н. Н. Купреянов, Д. С. Моор, занятия по рисунку вел П. И. Львов. После окончания института И. Д. Кричевский участвует в выставках, где экспонируются его рисунки и акварели. В эти же годы появились и первые оформленные им книги, для которых характерны поиски нового языка, смелое экспериментирование, опирающееся на отличное знание художником техники полиграфии.

В первые дни Великой Отечественной войны Кричевский добровольцем ушел на фронт. Он был сначала сапером, а потом художником газеты «Фронтовик» 3-й ударной армии, проделал нелегкий путь от Москвы до Берлина. В 1942 году вступил в ряды КПСС. Награжден двумя орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалями СССР. В годы войны Кричевский создал целую галерею портретных образов воинов, в том числе героев взятия рейхстага, запечатлел руины поверженного Берлина.

В 1946 году после демобилизации капитан Кричевский вернулся в Москву, был принят в члены Союза художников СССР, работал в станковой и книжной графике.

Им созданы автолитографии и станковые серии, посвященные Великой Отечественной войне. Хочется отметить, что к этой теме художник возвращается постоянно, используя свои фронтовые рисунки как документальный материал для создания графических композиций. Его работы хранятся в Государственной Третьяковской галерее, Центральном музее Революции СССР, Центральном музее Вооруженных Сил СССР и других музеях и картинных галереях нашей страны. В 1985 году прошла персональная выставка И. Д. Кричевского, на которой были представлены работы, созданные мастером на протяжении полувека.

В последнее время художник опубликовал свои воспоминания о годах Великой Отечественной войны. В настоящем издании читатель сможет познакомиться с ними и увидеть фронтовые рисунки Ильи Кричевского. Собранные вместе, они составляют впечатляющую летопись народного подвига и творческого подвижничества художника.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

В то воскресное, июньское утро я, как всегда, сидел и работал. За окном на голубом небе светило солнце, погода была так заманчива, что хотелось все бросить и пойти с женой в ближайший парк. Когда я поднялся, чтобы отдохнуть от рисунка, то решил включить примитивный радиоприемник тех лет. Передача оказалась неинтересной, и я уже было протянул руку, желая убрать звук, но меня остановил неожиданно вторгшийся в эфир голос диктора. Странность этого вмешательства, усиленная троекратным повторением того, что сейчас будет передано правительственное сообщение, настораживала...

Затем, услышав горестную весть о нападении фашистской Германии, я принял решение отправиться на фронт. Позвонив в Бауманский райвоенкомат, я сказал о своем желании. Ночью оттуда сообщили, что к девяти часам утра мне нужно прибыть на сборный пункт. Спать почти не пришлось. Жена стала меня собирать в дорогу, а я почему-то решил взять с собой альбом для рисования. Конечно, это был наивный поступок штатского человека, не знавшего обстановки войны, наверное, сработал «условный рефлекс» художника.

Утром мы пришли в назначенное место — Дом пионеров на Спартаковской площади, превращенный в сборный пункт. В комнате, где находились представители военкомата, взамен оставленного там паспорта мне выдали мобилизационное предписание, в котором значилось, что я направляюсь командиром маскировочной роты в город Гродно.

Получив этот документ, я полагал, что скоро буду отправлен к месту будущих боев, но все оказалось по-другому: меня и всех здесь собравшихся продержали в таком неопределенном состоянии несколько дней (отпуская на ночь домой) и только вечером третьего дня отправили пешком к путям Белорусской железной дороги, где в темноте на неведомой платформе посадили в теплушки и отправили на запад.

Лежа на нарах, я вспоминал незабываемые минуты расставания с женой, и сквозь дымку одолевающего сна возникало ее бледное, заплаканное лицо, такое дорогое и любимое.

Так закончился мой последний день пребывания в Москве — двадцать пятое июня 1941 года.

Вот и прошла первая ночь. Накануне при погрузке в темноте трудно было разглядеть своих попутчиков, поэтому только сейчас происходило знакомство. В вагоне оказалось несколько женщин, что вносило своеобразное оживление в нашу унылую обстановку.

В теплушке раздвинули двери, и к нам ворвался чистый воздух полей, и утреннее солнце приветливо осветило наш более чем скромный приют на колесах. Общее настроение постепенно поднималось, чему способствовала чудесная погода и начинавшая уже чувствоваться товарищеская связь, которая всех объединяла в преддверии грядущих фронтовых событий.

Мы ехали оторванные от них, наподобие какого-то изолированного, движущегося острова. Правда, до нас иногда на редких полустанках доходили сбивчивые сведения о боевых делах, но казалось, что все это происходило где-то далеко впереди...

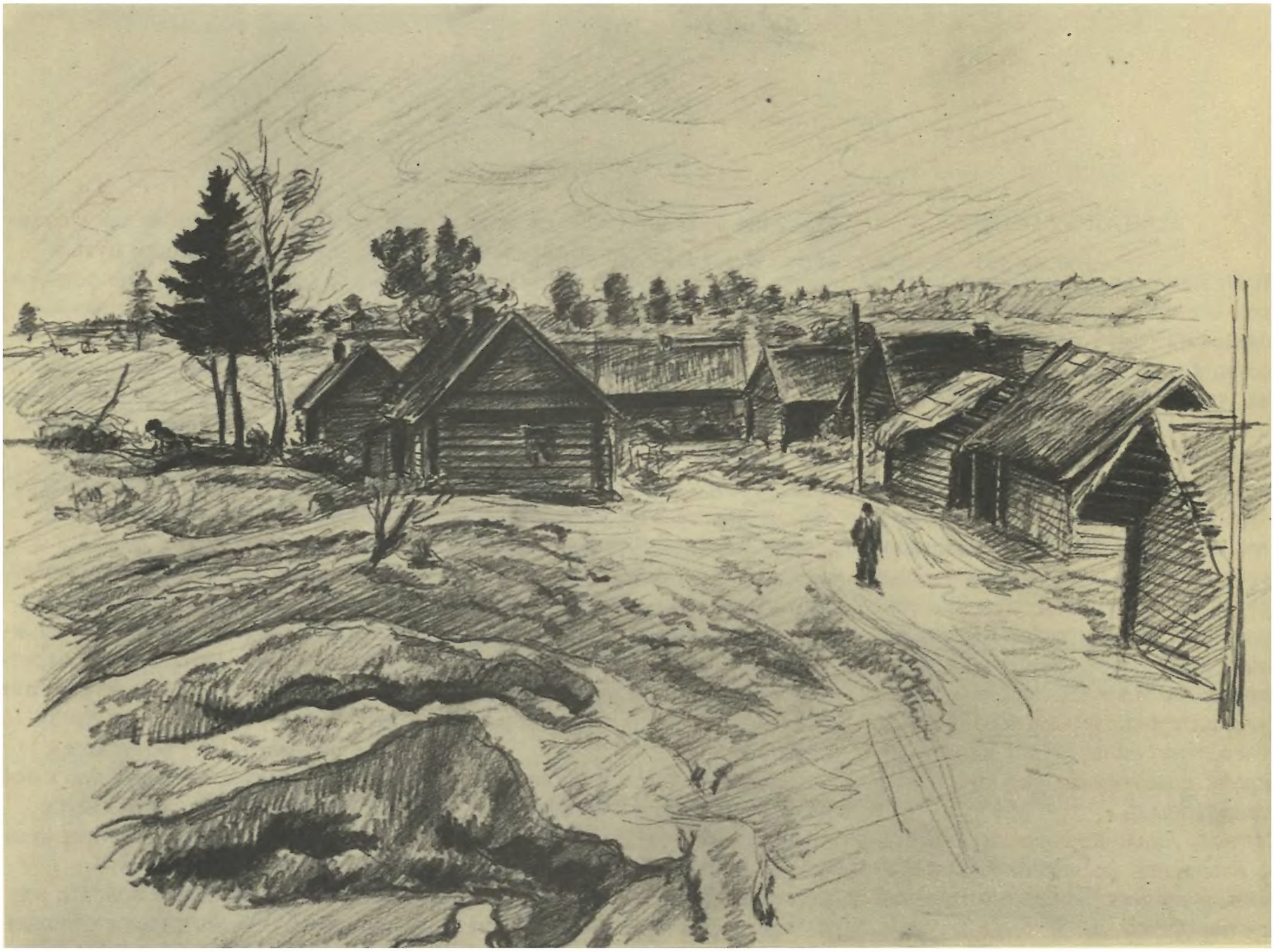
К полудню мы подъехали к станции Орша, дальнейший путь к Смоленску был здесь приостановлен. Станция была переполнена задержанными поездами, что говорило о возникшей напряженной обстановке. Кроме того, нам было слышно, как оттуда раздавались надсадные крики начальников эшелонов, требовавших особого преимущества в продвижении вперед.

Как всегда в таких случаях, пошли догадки, пересуды и неутешительные предположения. Тревожность всего происходящего отрезвляюще подействовала на обитателей нашей теплушки, мы стали уже понимать, что вступаем в полосу, приближающую нас к той самой войне, о которой имели весьма приблизительное представление.

Еще утром мы полагали, что все заранее предусмотрено и запланировано. Вера в разумность принимаемых мер не допускала мысли, что возможны случаи, подобные тому, какой сейчас происходил. Но вспомнив наши мытарства в Москве, где было зря потеряно драгоценное время (не говоря уже о моральных и других страданиях), мы невольно задавались вопросом, все ли идет как надо?

И вдруг в довершение всего воздух огласился невыносимым ревом паровозных гудков. Эти душераздирающие звуки обрушились подобно снежной лавине и привели всех в растерянность. Так война оказалась совсем рядом. Это была воздушная тревога...

Оставаться на путях было опасно, тем более что рядом с нашим поездом находился состав с горючим. Все бросились бежать к близлежащему поселку и видневшемуся



2. Калининский фронт. Здесь прошла война. 1943

3. Осенний сев на освобожденной земле. Калининская область. 1943

4. Снайпер Г. Н. Хандогин. 1944

5. Снайпер Бондаренко. 1944

лесу. Неудачно прыгнув из вагона, я подвернул ногу. Нужно же было этому случиться именно в такой критический момент! Ничего не оставалось, как, преодолевая сильную боль, заковылять вслед удаляющимся попутчикам. Воздушные пираты с черными крестами набросились на станцию, дико завыли летящие авиабомбы, и грохот взрывов сотрясал все вокруг. Я не был участником войн, мой опыт ограничивался только военной подготовкой в институте и пребыванием на маневрах во время службы в команде одногодичников.

Невозможно передать, в каком я пребывал состоянии, но с каждым взрывом росла обида, горькая, как полынь, она растекалась во мне, вызывая негодование. Попутно вспомнился недавно виденный кинофильм «Если завтра война», где под звуки бравурной музыки наши летчики лихо расправлялись с самолетами врага на его территории. А может, это стратегическая хитрость? Вот-вот появятся наши соколы и разметут фашистских стервятников...

Увы, эти ожидания были напрасны, гитлеровцы действовали безнаказанно, и потрясавшие все вокруг взрывы окончательно развеяли мою наивную веру в легкость победы. Только теперь я по-настоящему понял суровость наступивших дней, и осознал то, что мирная жизнь надолго осталась позади.

Взволнованный происходящим, я медленно двигался к лесу. Несомненно, что со стороны я выглядел довольно приметно: могла удивить хромота и хождение во время бомбежки, не говоря уже об одежде — потертая о доски нар, она приобрела истерзанный вид. Возможно, что все это и оказалось причиной дальнейших событий...

Вдруг грозный окрик, словно близкий выстрел, привел меня в себя. На опушке леса, преградив путь, стояли, как изваяния, затянутые в черную кожу два танки-

6. Приют беженцев. Калининская область. 1942

7. Санобработка. Калининский фронт. 1943

8. Село Пружинцы в Калининской области. Здесь стояла редакция газеты «Фронтовик» перед началом операции по освобождению Латвии. 1944

ста. Один из них держал автомат, а другой, по-видимому, старший по званию, направив мне в грудь пистолет, грозно произнес:

— Руки вверх!

Мне ничего не оставалось, как подчиниться приказу, а моя попытка объяснить им, кто я и как здесь оказался, не привела к успеху. Другой с автоматом громовым голосом уверенно добавил:

— Чего с ним возиться, хромает гад, видно парашютист!

Поведение их было столь непреклонным, что всякая надежда посчитать все за шутку мгновенно исчезла. Происходившее казалось оскорбительным, я задыхался от возмущения, что меня могли принять за врага... Но мои переживания были бесполезны. Они стояли словно отлитые из чугуна, убежденные в своей правоте. Все шло к трагическому концу.

— Стрельнем? — вопрошающе крикнул младший танкист с автоматом, уже приготовив свое оружие.

И вдруг в этот безысходный момент, когда, казалось, замерла природа в ожидании развязки происходившей здесь несправедливости, внезапно послышались приближающиеся людские голоса. Они принадлежали бежавшим сюда моим попутчикам по теплушке, которые издали оценили отчаянность моего положения.

После ознакомления с документами и выяснения причин нашего здесь появления во время налета все для моих «судей» стало понятным, тем более что со станции донеслись сигналы отбоя и туда потянулись группы людей.

Разминая руки, отекшие от долгого выполнения приказа моих «мучителей», я чувствовал себя как

9. Деревня Сенчиты. Весна на освобожденной земле. Калининская область. 1943

человек после перенесенной изнурительной болезни. Танкисты стояли рядом и, смущаясь, неловко поглядывали на свою ускользнувшую «жертву». Сейчас они выглядели славными ребятами.

Я почему-то вспомнил, что у меня сегодня день рождения. Накануне при прощании жена горевала, что в это тревожное время проводов забыла о подарке. Представляю, как бы она восприняла известие о том, какой «подарок» мне пытались преподнести стоявшие здесь мóлодцы.

Находясь в плену пережитого, я вдруг, ни к кому не обращаясь, сказал:

— А у меня сегодня день рождения.

Может, танкист с автоматом проникся ко мне сочувствием, а возможно, его «заела совесть», ведь он мог оказаться причиной гибели невинного. Помню только, что его ответ поверг меня в смятение своим ужасным признанием:

— Считай, что ты родился вновь, ведь я чуть-чуть не спустил курок автомата!

Так закончился этот эпизод в памятный для меня день двадцать шестого июня, когда я впервые встретился с тем, что несет с собой война.

Это было началом моего долгого фронтового пути...

ПЕРВЫЙ РИСУНОК

Штаб нашего батальона нашел очередной приют в уцелевшей избе, одиноко стоявшей среди раз-

10. Весна. Опустошенная деревня. 1943

рушенной деревушки. Вокруг простирались одичавшие, заброшенные поля, а на отдаленных возвышенностях виднелись остатки блиндажей и окопов.

В то памятное утро я поднялся рано и, стараясь не разбудить уставших товарищей, вышел на улицу. Летний рассвет встретил меня веселой игрой лучей восходящего солнца. Трудно было остаться равнодушным к красоте нарождающегося дня.

Много я видел рассветов на калининской земле, они поражали своим разнообразием и волновали меня как художника. Но шла война, и мне казалось, что теперь не до искусства. Художник должен был молчать, чтобы уступить место воину. О прошлой профессии напоминал лишь затиснутый в сумку нетронутый альбом, на котором иногда останавливался мой взгляд.

Внезапно в тишину мирного пейзажа ворвались раскаты орудийной стрельбы. Это начался очередной бой в Холме. Фронтовые условия приучили нас к звукам войны, они казались привычными и были неотделимы от нашего существования. Но сейчас эти звуки резко вывели меня из задумчивости и возвратили к реальной жизни.

Под нарастающий грохот канонады я зашагал по изуродованной дороге, на которой уже давно прекратилось движение.

Вчера стало известно, что батальон получает новое задание и в любой день может уйти. Нужно было спешить, чтобы успеть попрощаться с лейтенантом Муште-

11. Политработник Блехман. Калининский фронт. 1944

ковым, получившим тяжелое увечье при налете фашистских самолетов. Мы уважали лейтенанта как опытного командира, и его ранение доставило нам много переживаний.

Я шел, одолеваемый невеселыми мыслями. Предстоящая встреча с Муштаковым волновала: трудно было себе представить этого сильного человека без правой руки. Вспомнились коренастая фигура лейтенанта и его руки сапера, умевшие так ловко и уверенно обращаться с минами. Вспомнился и тот день, когда я сдал Муштакову командование второй ротой перед своим уходом в штаб. Тогда и возникла наша дружба.

К полудню я добрался до деревни Тухомичи, нашел дом, в котором разместилось отделение госпиталя, и долго стоял перед дверью, пытаясь себе представить, что меня ожидает, и думая о тех единственных, нужных словах, которые бы нашли путь к сердцу искалеченного войной человека. Трудно описать первые минуты встречи, наш неумелый, нескладный разговор, во время которого я старался не смотреть на пустой рукав лейтенанта. Передав приветы от товарищей, я стал выкладывать из сумки скромные подарки и вдруг... увидел альбом, тот самый, что лежал в ожидании своего часа.

Не понимаю, как это произошло, но альбом очутился у меня в руках. И под вопросительным взглядом лейтенанта я сказал неожиданно для самого себя:

— Хотите, нарисую вас на память?

Муштаков несказанно удивился, и было от чего: ведь он не знал, кем я был до войны.

Усадив растерянного лейтенанта, я приступил к работе. И только тогда, сидя в кольце раненых, привлеченных необычайным зрелищем, я понял, какая это была рискованная затея: ведь я не рисовал больше года. Но когда на бумаге появились суровые, угловатые черты Муштакова, волнение понемногу улеглось, и я уверенно закончил рисунок под одобрительный шепот окружающих.

Я поднялся, усталый от напряжения, и мне показалось, что в избе стало светлее от дружеских улыбок; было впечатление, будто произошло что-то важное и радостное. Изменился и сам Муштаков, в его лице появилось что-то новое, я почувствовал, что между нами возникла незримая нить взаимного тепла.

Наступило время прощания. Мы обнялись.

Перед каждым из нас лежали разные дороги жизни, и нельзя было сказать, приведут ли они к новой встрече. Возможно, мы расставались навсегда...

12. На калининской земле. 1943

Я шагал обратно, взволнованный происшедшим. Неожиданно сделанный рисунок вызвал мысли о месте художника на войне. Мне пришлось переоценить мои прежние взгляды. Я думал о великой силе искусства, способной соединять людские сердца.

В АРМЕЙСКОЙ ГАЗЕТЕ

Стояло теплое лето сорок четвертого года. На участке, занимаемом нашей 3-й ударной армией, было затишье, и казалось, что мы обосновались здесь надолго. Напряженное состояние войны не могло заслонить от нас красоты окружающей природы. Это удивительно, что после всего пережитого у человека сохраняется чувство прекрасного. Так было и со мной, несмотря на то что многое пришлось перенести в эти три года фронтовой жизни.

Позади остались первые трагические дни начала войны, когда наш воинский эшелон шел через Оршу и Смоленск к западной границе под бесконечными налетами фашистских бомбардировщиков. Невозможно забыть увиденные тогда душераздирающие картины народного бедствия, эти страдальческие лица женщин и детей, бежавших полураздетыми из Минска. Нельзя не вспомнить период боев на Калининском фронте, недели тяжелейшего наступления на тридцатиградусном морозе, когда теплая изба и горячая пища казались несбыточной мечтой. Остались в памяти упорные бои за овладение Великими Луками и дни стремительного прорыва на Невель...

13. Пятиминутный отдых. 1944

Волей военной судьбы я вернулся к своей былой профессии и был назначен художником в армейскую газету «Фронтовик». И сейчас, в этот «тихий» период на калининской земле, когда наша армия совершенствовала свое ратное мастерство, готовясь к очередным значительным боям, мне удалось сделать серию рисунков. К этому времени относится портрет известного снайпера Г. Н. Хандогина, который переписывался с писателем И. Эренбургом. Когда я смотрел на сидящего Гаврилу Никифоровича, мне казалось, что он со своей винтовкой как бы составляет одно целое.

Разве можно все перечислить!? Это был немолодой человек с натруженными руками. Используя свой опыт сибирского охотника, замечательный стрелок уничтожил свыше ста девяноста гитлеровцев. В воспоминаниях И. Эренбург тепло отзывается о своем фронтовом корреспонденте и почитателе, открывшем на имя писателя специальный счет уничтоженных фашистов. В одном из своих писем Хандогин сообщал Эренбургу: «В моей снайперской книжке каждый листок разделен на две половины: одна Ваша, другая — моя. В каждой из них записано поровну. Рад доложить Вам, что на Ваш счет отнес 95-го фрица, столько же значится и у меня».

14. Политработник майор М. Т. Матвеев. 1943

15. Корреспондент армейской газеты поэт В. И. Савицкий. 1944

Когда в начале сорок третьего года я на несколько дней прибыл в Москву, то по заданию нашей редакции посетил И. Эренбурга, жившего тогда в гостинице «Москва». Он очень хорошо меня принял и долго беседовал о наших фронтовых делах. Зашел разговор и о Хандогине, в результате чего он прислал ему письмо, которое было напечатано в газете «Фронтовик».

И вот, казалось бы, тихая жизнь неожиданно прекратилась. Наша армия, набирая темпы, прорвала фронт врага и устремилась вперед, на запад. Помню, что меня заинтересовал полосатый пограничный столб, непохожий на советский, по-видимому, он сохранился с времен буржуазной республики. Мы вступили на территорию Латвии.

Ее земля хранила болезненные следы боев. Я видел сожженные усадьбы, вокруг которых бродили бездомные жители. Наблюдая за тем, что происходило здесь, я стремился зарисовать как можно больше. Конечно, я не думал тогда, что все это через много лет будет опубликовано.

Ежедневная жизнь в газете складывалась из целого ряда технических работ. Рисовать с натуры приходилось изредка, и если такая возможность возникала, то я с готовностью ею пользовался. Героев можно было найти только на передовых позициях, поэтому я постоянно туда стремился. Прошлый опыт боевого офицера, привычка находиться среди ратных людей теперь помогали мне как художнику.

Продвижение по латвийской земле начало ослабевать, наступила временная передышка. Войска стали закрепляться на своих рубежах и готовиться к новым боевым действиям.

В этот период в редакции возникла мысль: рассказать воинам о боевом опыте лучших рот нашей

16. Рядовые-пулеметчики О. Матвейчук и И. Сенькин. 1944

армии. Выбор пал на 21-ю гвардейскую стрелковую дивизию. В эту командировку мы отправились вдвоем. Моим попутчиком был корреспондент Б. Г. Гришняев, который должен был работать над литературным материалом.

По пути мы зашли в штаб полка за необходимой информацией. Там мы застали двух замечательных снайперов — гвардии старшину М. Буденкова и его друга гвардии старшину С. Петренко. Это была удивительная удача. Много я слышал об этих знаменитых воинах, мечтал нарисовать и даже надеялся, что сумею найти их на передовой, а они оказались рядом. Мы горячо пожали руки патриотов, уничтоживших вдвоем около девятисот фашистов. Это было почти невероятно!

Внешний вид прославленных воинов ничем не отличался от многих других, правда, украшавшие грудь награды вызывали уважение. Снайперы оказались добрыми, простыми ребятами и согласились позировать, тем более, что у них нашлось свободное время. Но, к сожалению, этого времени не было у нас, и мне пришлось ограничиться весьма беглыми набросками.

Встретивший нас замполит полка посоветовал пойти в роту гвардии старшего лейтенанта Н. К. Пономаря — она оказалась в нескольких километрах от штаба.

Когда мы нашли указанное место, то удивились его близости от немецких позиций: нам сказали, что враги находятся в трехстах метрах. Гвардии старший лейтенант Пономарь произвел на нас впечатление умелого и опытного командира. Его открытое русское лицо с лучистыми глазами было спокойно и говорило о том, что этот воин обладает волей и знает цену подвигу.

Осматривая добротно сделанные траншеи и землянки, я заметил на груди старшего лейтенанта би-

нокль, в который он время от времени просматривал позиции фашистов. Мне понравилось, как он своими сильными руками настороженно держал эту оптику. В таком движении я зарисовал его, усадив у двери блиндажа.

Тогда же по совету Пономаря я решил нарисовать двух пулеметчиков, находившихся в открытом окопе, хотелось показать воинов непосредственно на боевом посту. Но рисовать в окопе было неудобно, и чтобы осуществить задуманное, мне пришлось взобраться на возвышенное место, откуда были хорошо видны фигуры моих «натурщиков». Конечно, я понимал, что это опасно, но рассчитывал, что на фоне молодого леса, находившегося рядом, буду мало заметен.

Когда я принялся за работу, ощущение настороженности постепенно исчезло, каждый штрих карандаша ложился удивительно точно. В эти считанные минуты нужно было фиксировать только самое главное, второстепенные детали были лишней, непростительной роскошью.

Откуда-то прозвучали выстрелы, но только из предостерегающих возгласов наших бойцов я понял, что стреляют по мне. Было жалко бросать так хорошо начатый рисунок, оставалось сделать всего несколько штрихов, и под аккомпанемент выстрелов, раздававшихся теперь и с нашей стороны, я лихорадочно продолжал работать. Только завершив рисунок, я спрыгнул в спасительный окоп, где попал в дружеские объятия солдат.

Глядя теперь на этот небольшой рисунок, зритель не подозревает, какой ценой он достался. Но мне он особенно памятен и дорог.

Еще добрых полчаса продолжалась перестрелка на взбудораженном участке. Сидя в землянке Пономаря, я медленно приходил в себя. Когда все успокоилось, появился озабоченный старший лейтенант и рассказал нам, что, к счастью, вся эта неожиданная баталия закончилась благополучно.

17. Командир стрелковой роты, гвардии старший лейтенант Н. И. Пономарь. 1944

18. Снайпер, гвардии старшина М. И. Буденков, ныне Герой Советского Союза. 1944

19. Отдых на фронтовой дороге. 1944

Мы тепло попрощались с хорошими людьми, которым невольно причинили столько волнений, и зашагали обратно, обмениваясь впечатлениями дня.

СНАЙПЕР МАКАРОВА

У портрета снайпера Макаровой интересная история. Однажды я прочел в «Комсомольской правде» отрывок из готовящейся к печати книги К. Лапина «Подснежник на брустверe» * о снайпере Любе Макаровой. Текст сопровождался фронтовыми фотографиями, на которых трудно было кого-нибудь узнать. Меня словно что-то встряхнуло — там говорилось о людях, которых я знал раньше. Но, главное, что привлекло мое внимание,— это фамилия героини, она показалась мне знакомой, не знаю почему: память подсказывала, что с этой фамилией связаны какие-то воспоминания.

Нетерпеливо я стал перебирать свои фронтовые рисунки. Мне помнилось, что где-то в Латвии я рисовал двух девушек-снайперов — Нину Лобковскую, о которой тоже упоминалось в газете, и еще одну, фамилию которой я совершенно забыл. Теперь я искал рисунок, смутно надеясь, что рисовал именно ее, героиню книги, хотя еще не позволял себе в это поверить. И вот, наконец, у меня в руках этот портрет с краткой подписью: «Снайпер Макарова. 1944 г.». Да, это она, девушка в военной одежде. Я опять смотрю на нее, как много лет назад, но теперь я знаю, что она осталась жива.

---

* Лапин К. Подснежник на брустверe. М., 1966.

20. Гвардии капитан А. И. Мухин. 1944

21. Участник фронтовой самодеятельности, сержант Я. Сецен. 1944

22. Участник фронтовой самодеятельности, рядовой А. С. Сусанов. 1944

23. Письмо с Родины. 1944

24. Старшина М. В. Шатов. 1944

И я вспомнил вдруг совсем ясно тот летний день в Латвии. Меня вызвал редактор и предложил нарисовать снайпера, указав место в нашем поселке, где его найти. Я отправился туда, но никого не застал, хоть обошел несколько раз вокруг названного дома. Только в палисаднике сидела какая-то девушка в военной гимнастерке. Я подошел к ней, чтобы спросить не знает ли она, куда ушел снайпер, и тут увидел на ее груди два ордена Славы и понял, что она и есть цель моих поисков. Так до сих пор и не знаю, почему редактор не предупредил меня, что снайпер — девушка.

В нашей армии воевал отряд комсомолок-снайперов, воспитанниц Московской специальной школы снайперов, которых я встречал еще на Калининском фронте. Сейчас передо мной сидела одна из них с погонами старшего сержанта.

Это была небольшая, хрупкая и какая-то тихая девушка — ее облик явно не соответствовал сиявшим на солнце боевым наградам. В годы войны мне пришлось встречаться с самыми разными людьми, и я заметил, что внешнее впечатление не всегда бывает правильным. Особенную трудность это представляет для художника, впервые видящего свою натуру. Так было и теперь. Предстояло найти то главное, что составляет сущность портрета.

Я нарисовал Любу Макарову почти в той же позе, как ее увидел; это положение было органично и свойственно ей. Труднее оказалось с глазами: они были грустными, я не чувствовал в них остроты, характерной для стрелка. И вдруг в какой-то момент мне открылось то, что я искал. Это был мгновенный зоркий взгляд, полный затаенной силы, будто выглянуло глубоко спрятанное мужество, дававшее хрупкой девушке необыкновенную стойкость. И мне стали ясны истоки славных дел этой патриотки, уничтожив-

25. Оружейный расчет гвардии старшего сержанта Г. А. Короля. 1944

шей свыше восьмидесяти фашистов.

Вот почему я так обрадовался вновь найденному рисунку. Сама героиня забыла о его существовании, и только благодаря статье в газете ее портрет попал в книгу «Подснежник на бруствере».

Потом мы встретились с Любовью Макаровой. Мы узнали друг друга, несмотря на то что прошло много лет и наша первая встреча в Латвии была краткой. Вспоминали многое и, конечно, говорили о случае с портретом.

Когда вышел альбом моих фронтовых рисунков «По дорогам войны» (М., 1969), я послал экземпляр Л. Макаровой. В ответ я получил взволновавшее меня замечательное письмо. Между прочим она писала: «Как хорошо, что вы, художники, писатели, поэты, живете среди нас. Благодаря творческим работникам потомки наши, как и мы, будут знать о прошлом своей родины и ее героях...»

ЗДРАВСТВУЙ, РИГА!

Наступление возобновилось, приближался день освобождения столицы Советской Латвии — Риги. Соседние армии уже завязали бои на ее окраинах, и мы с нетерпением ожидали радостной вести.

Работа в газете требовала напряжения и оперативности, нельзя было отставать от текущих событий. В моей деятельности было немало моментов, когда быстрота реакции играла важную роль. Посоветовавшись с секретарем ре-

26. Без крова. Латвия. 1944

дакции майором Ю. А. Левиным, я приступил к подготовке рисунка, посвященного предстоящему событию.

Просматривая найденные репродукции с изображениями незнакомой мне Риги, я поражался красоте набережной Даугавы, вдоль которой возвышались замечательной архитектуры соборы, устремившие свои шпили в небо.

Техника репродуцирования в нашей газете стояла на самом низком уровне. Чтобы сделать клише большого формата, приходилось рисовать с расчетом на то, что оно будет составлено из двух и даже трех отдельных кусков. Это очень затрудняло работу и требовало значительного времени. Вот почему приходилось заранее готовить ударные заголовки.

И когда столица Советской Латвии была освобождена от фашистской оккупации, мы первыми рассматривали свежий оттиск нашей газеты, увенчанный рисунком со словами: «Здравствуй, Рига!».

Это было четырнадцатого октября. Тогда же утром представилась возможность увидеть, наконец, освобожденный город. Редакция находилась от Риги в пятидесяти километрах, и мы рассчитывали преодолеть это расстояние без особого труда. Но дорога оказалась трудной и опасной — на одном из ее участков мы стали мишенью для вражеской артиллерии. Хорошо, что редакционный грузовик управлялся опытным водителем.

Когда после долгого блуждания мы подъезжали к Риге, перед

27. Герой Советского Союза гвардии младший лейтенант Н. К. Пархоменко. 1944

нами постепенно возникали очертания прекрасного города. Неповторимая красота соборов со сверкающими на солнце шпилями вместе с набережной Даугавы, отражавшей в своих водах силуэты архитектурных ансамблей, представляла необыкновенное зрелище.

Столица еще обстреливалась из дальнобойных орудий, это была варварская месть изгнанных фашистов. Гибли люди, разрушались бесценные здания. Запомнилась горящая гостиница у оперного театра, из которой вытаскивали обитую красным бархатом мебель. Улицы и площади Риги поражали своеобразием, здесь удивительно гармонично сочетались сооружения разных эпох. Большое впечатление производил монумент, увенчанный фигурой женщины с поднятыми руками, казалось, она вот-вот оторвется от земли и полетит в небо... И когда я вспоминаю Ригу, то предо мной всегда возникает силуэт этой выразительной скульптуры на фоне плывущих облаков.

Но рисовать в Риге не пришлось — спешили в обратный путь. Покидая прекрасный город, мы еще долго находились под впечатлением увиденного.

Приближался знаменательный день 26-летия ВЛКСМ. К этому празднику молодежи газета решила подготовить специальную страницу и рассказать о лучших воинах-комсомольцах.

Для сбора материала в одну из боевых частей нашей армии отправили корреспондента Л. Елисеева и меня. На передовой мы встретились с молодыми воинами, чувствовалось, что последние успехи окрыляли этих юношей, полных желания выбросить гитлеровцев с советской земли.

28. Снайпер, гвардии старшина С. Петренко, ныне Герой Советского Союза. Латвия. 1944

29. Рядовой стрелок С. Манабаев. 1945

30. Гвардии старший сержант А. Лунев. 1944

По рекомендации командования я нарисовал двух лучших комсомольцев — гвардии старшину П. Клюкина и гвардии сержанта Н. Кулешова. Конечно, достойных воинов было здесь немало, хотелось изобразить многих, но, как всегда, я был связан временем и заданием.

Двадцать девятого октября вышел этот праздничный номер газеты; кроме портретов, там был помещен рисунок, посвященный юбилейному дню.

Мне очень нравилось изображать отдых воинов на фронтовых дорогах, ведь война, помимо всего остального, требовала от людей физической выносливости. Бывало, совершались немалые утомительные переходы, порой в сложных условиях, и кто не испытывал чувства облегчения, когда наступали драгоценные минуты долгожданного отдыха?

Особенно я люблю рисунок «Привал». Мне кажется, что в нем чувствуется это настроение. Хочу также остановиться на рисунке «Пятиминутный отдых», сделанном еще на Калининском фронте. В эту землянку, вырытую невдалеке от дороги, я забрел с той же целью, что и другие: хотелось погреться. Но картина фронтовых будней, которую я увидел, показалась мне такой интересной, что я вынул бумагу и вместо отдыха принялся за работу. Это была нелегкая задача — рисовать в полутьме, держа карандаш остывшими пальцами.

Была уже глубокая осень, холодный день предвещал появление снега. Мы с корреспондентом газеты В. Савицким еле разыскали расположение артполка 52-й гвардейской дивизии. На огневой позиции одной из батарей, где находилось и орудие гвардии старшего сержанта Г. Я. Короля, гулял пронизывающий ветер. Чтобы разогреть озябшие руки, пришлось развести костер, только таким

способом мне удалось сделать несколько рисунков. Повезло, что нависшие свинцовые тучи оказались защитой от вражеской авиации.

Случайно обнаружилось, что здесь, в полку, находится участник битвы на Курской дуге Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Н. К. Пархоменко. Как упустить портрет такого знатного воина? Мы застали героя в единственном, чудом сохранившемся помещении, до предела набитом людьми, где скромный гвардии старший лейтенант обосновался на мизерной площади.

Это был статный молодец с нежным юношеским лицом, которое никак не связывалось в моем представлении с мужеством подвига. Но в данном случае, кроме психологических трудностей, возникли и практические. Где рисовать Пархоменко? На улице это сделать было невозможно, а в полуразрушенном тесном жилище тем более. Оставался единственный выход: рисовать в штабном крытом грузовике. Задача была не из легких: мы сидели почти вплотную, отсутствие необходимого пространства вынуждало меня прилагать неимоверные усилия для изображения героя.

Проблема портрета всегда меня занимала, особенно теперь, на войне, когда приходилось встречаться с самыми разными людьми. Я часто замечал, что внешнее впечатление не всегда бывает правильным. При более близком знакомстве обнаруживалась скрытая «изюминка», которая и являлась ключом для раскрытия личности. Конечно, все это достижимо, когда имеется достаточно времени, чтобы при помощи подготовительных зарисовок изучить натуру. Но как это сделать в условиях войны, когда в считанные минуты приходится рисовать человека, увиденного впервые? Если сравнить это с творчеством композиторов или поэтов, то на их языке такие произведения называются экспромтами. Трудновато мне было порой с подобными экспромтами, они требовали предельного напряжения. Так было и с Пархоменко.

В ПОЛЬШЕ

Зимой сорок четвертого года нашу армию спешно перебрасывали из Латвии. Нас погрузили в теплушки и долго везли куда-то по совершенно белым равнинам, мимо заснеженных лесов и селений. Выгрузили нас на маленькой незнакомой станции, которая и оказалась местом нашего назначения. И тут только мы узнали, что находимся в Польше.

Да, перед нами была страна Мицкевича и Шопена. Но какой нищей, какой разоренной выглядела она. Нам понятны были разрушения, оставленные войной: еще свежи в памяти были сожженные и разграбленные советские села и города — такие же картины мы наблюдали повсюду, где побывали фашистские оккупанты. Но здесь было и нечто иное. Казалось, что вдруг воскресли деревни времен старой царской России. Молодые солдаты могли впервые увидеть живого кулака с собственной маленькой часовней, где молилась только его семья, и живых батраков, оборванных и голодных.

Наша редакция остановилась в замерзшей деревушке. Здесь мы встретили Новый, 1945-й год. Должно быть, был сильный ветер: помнится, снежные хлопья летели вдоль земли, долго не опускаясь. Росли сугробы, как невиданно белое тесто. Мы желали друг другу в наступающем году счастья, уже близкой победы. И хотя впереди нас ждало еще немало испытаний, это был самый радостный Новый год из всех прежних, что мне приходилось встречать на фронте. А пока на польской земле шла война. Работалось трудно. Сильные морозы, частые передвижения не способствовали рисованию

Текст Л. ЕЛИСЕЕВА. Рисунок И. ПРИЧЕВСКОГО.

„Гитлер говорил, что хотел стать архитектором и художником, но в результате мировой войны и Версальского договора он был вынужден стать государственным деятелем".

(Из заявления немецкого генерала Гофмейстера)

Гитлер — „архитектор" и „государственный деятель".

31. Гвардии сержант Кулешов. 1944

32. Рисунок для армейской газеты «Фронтовик». 1944

33. У полкового знамени. Знаменосец, гвардии старший сержант П. Н. Смирнов. В тяжелой обстановке боя спас знамя полка. Латвия. 1944

34. Рядовой стрелок С. И. Марков. 1944

с натуры. Среди рисунков того времени — портрет командира роты старшего лейтенанта Н. Ф. Котельникова и командира взвода автоматчиков старшего сержанта Сидорова.

В начале января мы дошли до Праги — предместья Варшавы. На другой стороне широкой Вислы лежала столица Польши, вернее, то, что осталось от этого когда-то красивого города. С нашего берега видны были только остовы взорванных мостов с рваными, свисавшими в воду пролетами. Они словно простирали свои железные руки из воды, взывая о помощи.

С какой радостью встретили мы весть об освобождении Варшавы! Еще с понтонного моста, наведенного саперами, я старался разглядеть улицы города, возбуждавшего в наших сердцах столько сочувствия. Накануне ночью я сделал заголовок для газеты и использовал для него изображение довоенной Варшавы.

Разглядывая на фотографии стройные силуэты зданий, расположенных у берегов Вислы, я пытался представить себе то, что увижу утром.

И вот я в Варшаве. Я бродил по лабиринтам заваленных улиц, среди бесконечных уродливых руин. Не было стройных красавцев домов. Вообще не было домов. Было только невообразимое смешение бетона, железа, кирпича, щебня.

Я шел, совершенно подавленный увиденным. Казалось, фантастические картины ада обрели здесь реальные очертания. Но среди развалин бродили живые люди. Они жили когда-то в этих домах, мирно трудились, растили детей...

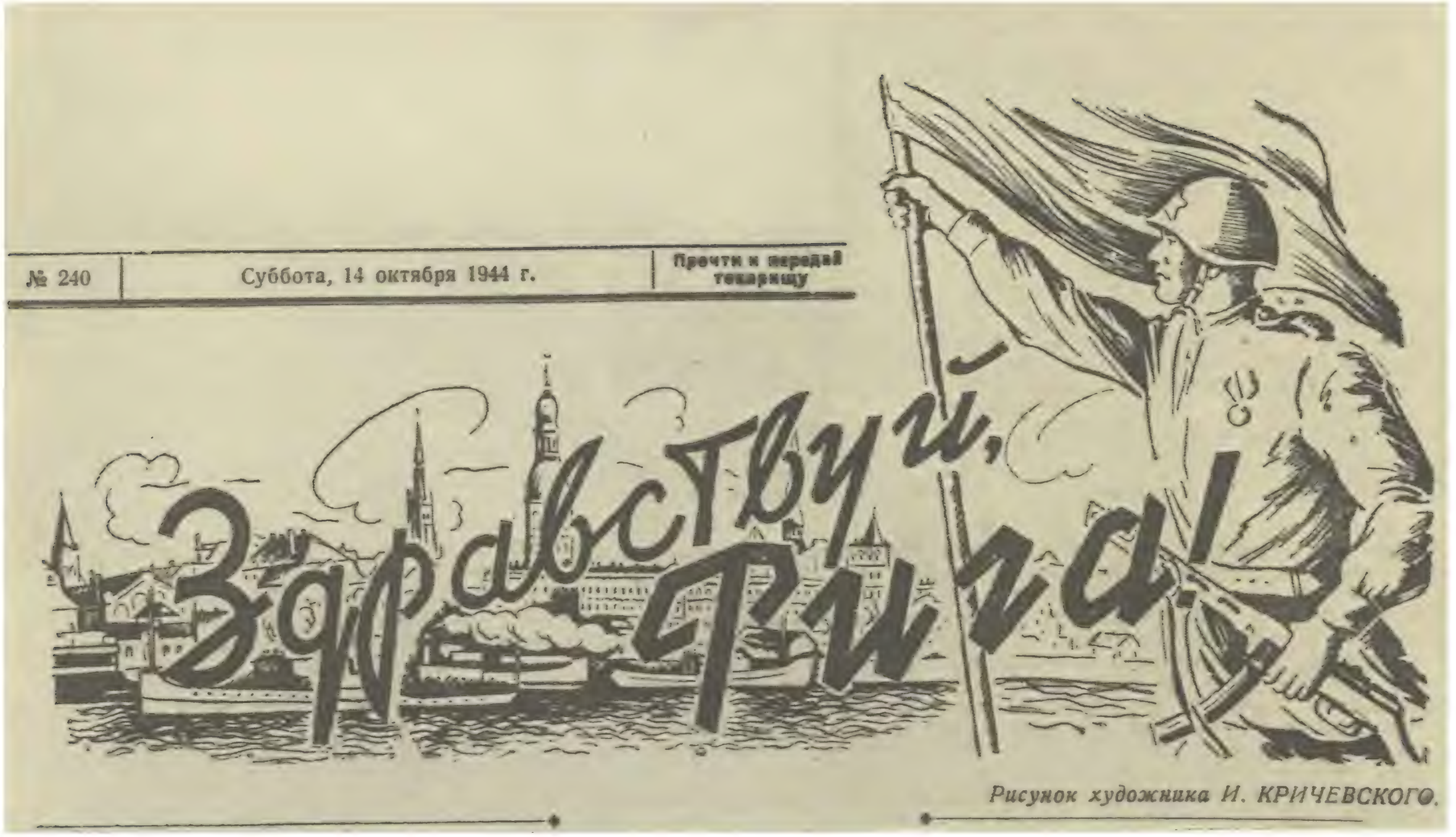


Рисунок художника И. КРИЧЕВСКОГО.

35. Рисунок для армейской газеты «Фронтовик». 1944

36. Рисунок для армейской газеты «Фронтовик». 1944

37. Бойцы части Винокурова на привале. 1944

Я не видел новой Варшавы, мне бы очень хотелось посмотреть на нее. Но когда говорят, что этот город, как феникс, родился из пепла,—для меня это не просто красивая метафора: я видел этот пепел своими глазами.

Я слышал рассказы варшавян о злодеяниях фашистов, о трагических днях восстания, о мужестве людей, отдавших свою жизнь в борьбе за родину.

Надо было возвращаться обратно в редакцию. В последний раз я взглянул на хаотические остатки города, ставшего свидетелем самых страшных человеческих трагедий и героического величия человека. Все это могло бы послужить источником для создания большого, потрясающего своей темой цикла рисунков. Для этого требовалось время. Но еще шла кровопролитная война. Наша армия снова наступала. Впереди была гитлеровская Германия.

НА ЗЕМЛЕ ВРАГА

Приближалась весна сорок пятого года, весна, обещавшая победу. Мы продолжали двигаться вперед. По дорогам шли бесконечные по-

38. Расчет зенитки гвардии младшего сержанта Бурлаченко. 1944

токи людей и техники, объединенные единым стремлением.

Впереди лежала страна, в которой властвовал фашизм. Ее фюреры еще лелеяли призрачную надежду, что им удастся избежать возмездия. Но час расплаты приближался.

Наша армия дошла до Одера и остановилась. Перед нами простиралась широкая река, за которой притаились враги.

Редакция нашей газеты расположилась в Бад-Шефлисе. Это маленький городок в Восточной Померании, в котором сохранился ряд старинных построек. Случайно, проходя по городской площади, где возвышалось готическое здание ратуши, я стал свидетелем похорон нашего офицера. Меня очень взволновали эти похороны на чужой земле. К сожалению, занятый рисунком, я лишился возможности записать фамилию погибшего.

Остановка на Одере давала передышку для армии. Уже был март

39. Усадьба, сожженная отступающими гитлеровцами. Латвия. 1944

40. Снайпер Любовь Макарова. 1944

41. Снайпер Нина Лобковская. 1944

месяц, в воздухе потеплело, чувствовалось приближение полнокровной весны. Мне не сиделось на месте, хотелось вновь побывать в передовых частях, где было много материала для карандаша художника.

На участке, занимаемом 52-й гвардейской дивизией, произошло важное событие: группа воинов форсировала часть русла Одера и укрепилась на островке. Мы не знали конечной цели и возможностей этой операции. Форсирование такой широкой реки представляло огромную трудность, и горсточка воинов, обосновавшаяся на виду у противника, совершила подвиг. Очень хотелось побывать у этих героев, и мне предоставили такую возможность. Помимо всего возникала надежда нарисовать знаменитого разведчика гвардии старшего лейтенанта Н. А. Короля, о подвигах которого ходило много легенд.

Встреча с участниками форсирования Одера произвела на меня неизгладимое впечатление. Мне удалось сделать четыре рисунка, среди которых я хочу выделить портрет семнадцатилетнего храбреца — гвардии младшего сержанта А. В. Титова, ушедшего добровольцем на фронт. Мне позировал и командир этой группы гвардии старший лейтенант М. П. Колобов. Скромный облик молодого патриота, позже погибшего под Берлином, оставил в моей памяти самые лучшие воспоминания.

Конечно, я осуществил свое давнее стремление познакомиться с командиром разведроты дивизии Королем. Это произошло у опушки еще голой рощи на унылом фоне только освободившихся от снега полей, за которыми протекал Одер. Мне пожал руку настоящий былинный богатырь.

Труден и опасен был путь на войне у гвардии старшего лейтенанта Н. А. Короля. Только его могучее здоровье помогло ему вынести многократные ранения (кажется, их было шесть). Он славился исключительной виртуозностью и решительностью в операциях по добыванию «языков». Я смотрел на героя, и мне не верилось, что этому гиганту с лицом, на котором отразились суровые испытания войны, всего двадцать два года. Привлекали его как бы всевидящие глаза, небольшие, но очень выразительные. Казалось, что этот человек прошел большую, трудную жизнь. И вдруг его мужественное лицо озарилось светлой, даже ребячьей улыбкой, которая была столь беспечна, словно со мной рядом очутился совсем другой, веселый человек.

42. Командир стрелковой роты, старший лейтенант М. Ф. Котельников. Польша. 1945

43. Новогодний рисунок для армейской газеты. 1944

Как я и думал, нарисовать его оказалось делом трудным. Феноменальный контраст между внешним впечатлением суровости и внутренней теплотой был столь разителен, что мне пришлось сделать несколько рисунков, пока удалось «поймать» черты замечательного разведчика.

Во время боев в Берлине на одном из перекрестков я оказался под огнем невидимого фашистского стрелка. Только благодаря помощи нескольких воинов мне удалось избежать смертельной опасности. Велика была моя радость, когда этими спасителями оказались разведчики Короля во главе со старшиной его роты.

Когда я находился в 52-й гвардейской дивизии, мне очень захотелось посмотреть с высоты занимаемого нами берега туда, на ту сторону Одера, где притаились уже потерявшие свою былую военную славу гитлеровцы. Благодаря весеннему разливу ширина реки казалась очень большой. Совсем рядом оказался наблюдательный пункт дивизии.

В замаскированном блиндаже была стереотруба, дававшая возможность обозреть перспективу противоположного берега. Припав к ее окулярам, я увидел отдельные фигуры врагов, они казались совсем рядом, можно было даже различить детали их обмундирования. Защищенные водной преградой, гитлеровцы все же чувствовали себя неспокойно. Находясь на своей собственной земле, они вели себя настороженно, потеряв уверенность, и передвигались с оглядкой на наш берег. По-видимому, многие из них понимали, что наступает час расплаты. Все ждали генерального наступления. Оно произошло в середине апреля после невиданного артиллерийского огня, от которого дрожала земля на много километров

44. Рисунок для армейской газеты. Латвия. 1944

45. Командир штурмового батальона, капитан С. Д. Хачатуров. 1945

46. Семнадцатилетний доброволец, участник форсирования Одера, гвардии младший сержант А. В. Титов. 1945

вокруг. Это была фантастическая пляска света, огней и взрывов, которая вместе с нестерпимым шумом создавала предельную нагрузку для человеческой выносливости.

Много раз описывались эти исторические события. Концентрация удара была столь сильна, что, форсировав Одер, наши войска быстро устремились вперед, опрокинув не успевших прийти в себя фашистов.

Мы с боями шли через немецкие города и селения, здесь было все чужое, непривычное. При виде старинных крепостных стен и стрельчатых соборов вспоминались гравюры Дюрера, казалось, что ожили картины средневековья.

Не укладывалось в сознании, что в стране, создавшей в прошлом столько прекрасного, мог вырасти фашизм, истреблявший людей, города и культуру других народов.

Мне довелось быть в наступающем потоке войск 150-й стрелковой дивизии, которая впоследствии прославилась при штурме рейхстага. На каком-то привале я набрел на группу саперов и нарисовал старшего сержанта А. Г. Рябова. Этот рисунок близок моему сердцу. Он напоминает о прошлых днях, когда я вместе с такими же тружениками войны — саперами провоевал немало месяцев.

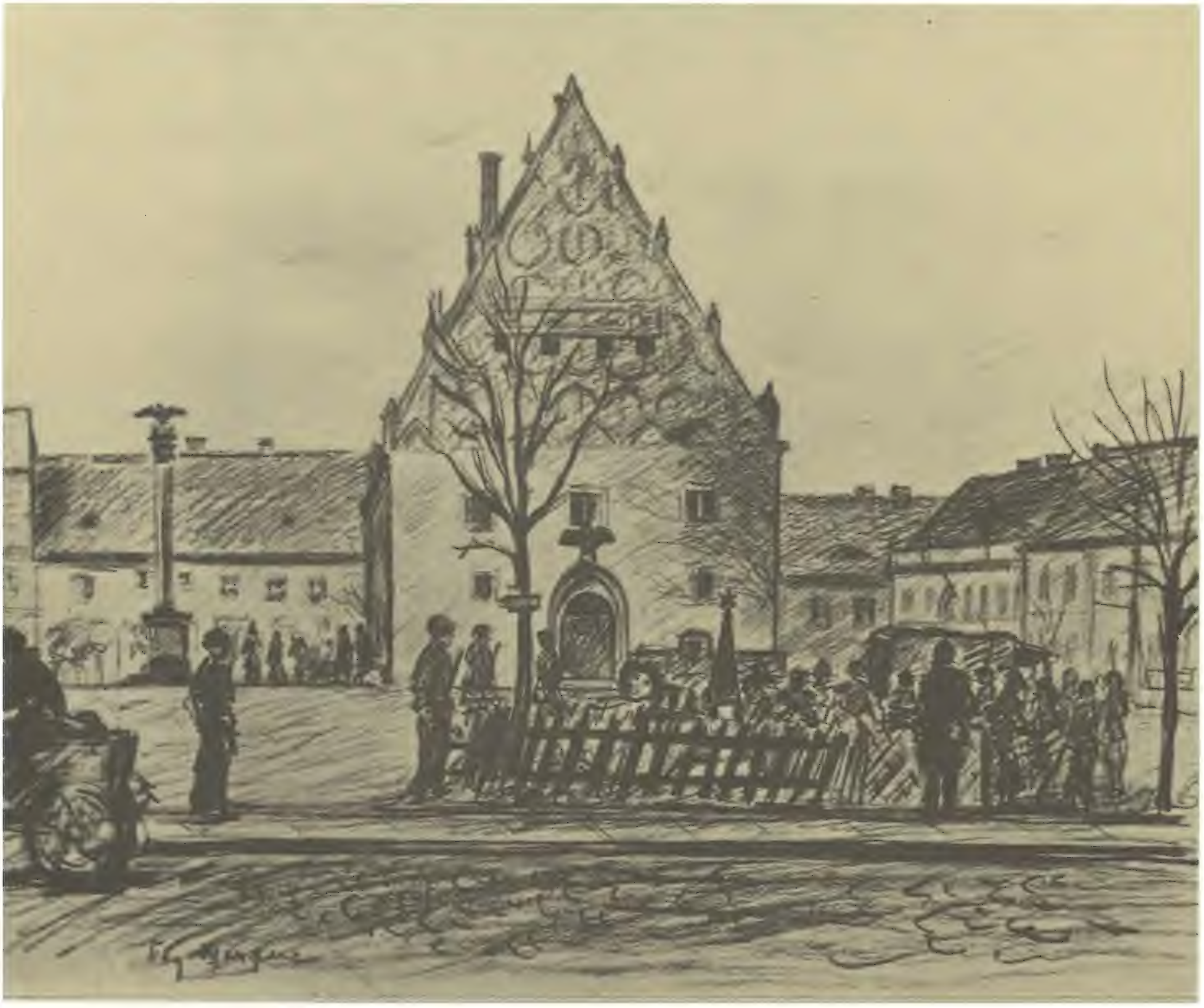
Случай столкнул меня с начальником политотдела дивизии подполковником М. В. Артюховым. По его совету я решил нарисовать командира штурмового батальона капитана С. Д. Хачатурова.

Когда я разыскал комбата, то был поражен его внешностью. Должен сказать, что таких красавцев мне приходилось редко встречать. Это был удивительно гармонично созданный человек, у которого лицо, рост и осанка находились в замечательном единстве. Естественно, что, увидев такого «натурщика», мне очень захотелось нарисовать его. Хачатуров не возражал против позирования тем более, что этот процесс был ему знаком по довоенным временам.

Но все оказалось не так просто. Батальон получил срочное задание, и мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Несколько дней я двигался с воинами капитана С. Д. Хачатурова в надежде осуществить свой замысел, но сложная обстановка наступле-

47. Бад-Шефлис. Регулировщик у старинных городских ворот. 1945

48. Участник форсирования Одера, гвардии младший сержант В. П. Мишнев. 1945



49. Бад-Шефлис. Похороны боевого товарища на городской площади. 1945

ния не давала возможности найти подходящее время для работы.

К вечеру третьего дня, измученные, мы подошли к окраине немецкого городка, в котором уже разместился штаб дивизии.

Велико было мое огорчение, когда выяснилось, что батальон опять уходит на задание. Казалось, напрасно потрачено время.

Но Хачатуров показал себя человеком слова и за счет своего краткого отдыха согласился посидеть. Рисовать пришлось ночью, при трепете одинокой свечи, которая скудно освещала лицо капитана и одновременно лист моего альбома.

Усталый и удовлетворенный завершением работы, я прилег в каком-то углу и мгновенно погрузился в сон, невзирая на доносившийся из соседней комнаты шум, где комдив генерал Шатилов распекал начальника связи.

Впереди была дорога на Берлин. Преодоление этого небольшого пути происходило в непрерывных боях.

Мне пришлось рисовать младшего лейтенанта Н. А. Тарновского, командира зенитной батареи. В начале работы все шло нормально, затем появились фашистские самолеты и стали бомбить. Тарновский продолжал позировать и од-

50. Машина армейской газеты на улице немецкого городка. 1945

новременно командовал огнем зениток, которые успешно отогнали нападение стервятников. Мы не сочли нужным прервать работу. Это не было бравадой: пушки стояли на открытом месте, и спрятаться все равно было некуда. Последний рисунок перед Берлином изображал группу бойцов, читавших газету в окопе. Наши воины располагались в отбитых у гитлеровцев земляных укреплениях, сооружавшихся ими с оборонительной целью. Но эти наспех построенные окопы уже не могли задержать стремительного наступления наших войск, уже подошедших к окраинам Берлина.

В БЕРЛИНЕ

В нашей газете шла напряженная работа. На ее страницах отражались бои, происходящие в Берлине, печатались материалы о людях, завершавших разгром гитлеровского рейха.

Мне предстояло рисовать отличившихся воинов. Это была почетная задача, но она требовала опыта и выносливости.

Трудно себе представить, что творилось в те дни на улицах Берлина. Перекрестки простреливались замаскированными фашистскими снайперами и пулеметчиками, вре-

51. Сапер, старший сержант А. Г. Рябов. 1945

52. Зенитчик, младший лейтенант Н. А. Тарновский. 1945

менами замолкавшими в ожидании очередных жертв.

На одном из таких перекрестков нас собралось около десятка человек, ожидавших возможности перебраться через дорогу, простреливаемую снайпером. Перед нами уже лежало несколько убитых воинов. Дальше ждать не было смысла, и некоторые пошли обратно, надеясь продолжить путь соседними переулками.

Но вот нашелся молодец, который несмотря на грозившую опасность, решился посостязаться с засевшим в доме фашистом. По-видимому, это был бывалый парень, ибо, судя по его хладнокровной подготовке, такие вещи ему уже приходилось проделывать неоднократно. Он закрепил под поясом полы шинели, перекинул на спину автомат, чтобы освободить руки, и... побежал. Все застыли в ожидании конца этого рискованного поединка. Ноги смельчака мелькали, как у совершавшего кросс чемпиона, выстрелы попадали в мостовую, откалывая от нее брызги асфальта. И когда наш герой оказался уже на той стороне вне досягаемости вражеских пуль, мы радостно вздохнули. Около нас стояли безмолвные дома, частью с выбитыми окнами, из них можно было ожидать выстрела в спину. Пока здесь находилась группа, мы могли дать отпор, но нельзя было оставаться двоим, и тем более одному.

Итак, кто будет следующий? Воодушевленные поступком предыдущего смельчака, еще несколько человек проскочили через этот гибельный отрезок пространства. Нас уже было четверо, и каждый очередной с напряжением готовился к этому неизбежному испытанию.

Наконец, я остался один на перекрестке чужого, враждебного города. Мне также предстояло проделать эту опасную игру со смертью, от которой нельзя было уклониться. Используя опыт товарищей, я побежал навстречу неиз-

53. За чтением газеты. Справа — рядовой Н. П. Медведев. 1945

54. Разведчик, гвардии старший лейтенант Н. А. Король. 1945

55. Чтение газеты в окопе под Берлином. 1945

56. Командир орудия сержант Н. Г. Хабибулин. Прямой наводкой первым открыл огонь по рейхстагу. 1945

57. Командир взвода лейтенант Р. Кошкарбаев. Одним из первых прорвался к рейхстагу и в расщелине над входом укрепил знамя. 1945

58. Вид на рейхстаг с улицы Мольтке. Справа виден «дом Гиммлера», откуда батальон С. А. Неустроева начал штурмовать рейхстаг. 1945

вестности... Очутившись за защищенным углом на другой стороне, я, тяжело дыша, прислонился к стенке дома, и, казалось, что, кроме ужасного сердцебиения, у меня стучало все тело. Когда я уже успокоился и смог осмыслить все происшедшее, то удивился, что не запомнил деталей этого броска. В голове остались только звуки свистящих пуль между ногами и стук упавшего позади металлического предмета.

Опустив полы шинели, я нечаянно коснулся кобуры пистолета и с ужасом убедился, что она оказалась пустой. Так вот какой мне запомнился металлический звук: это был упавший пистолет, который от сильной тряски выскочил из кобуры.

Оглядывая издали ненавистную мостовую, я, наконец, его увидел среди накопившегося мусора. Положение сложилось почти безвыходное, ибо нельзя было безоружным находиться на этих вражеских улицах, а броситься поднять пистолет было еще опаснее — это значило опять попасть под выстрелы снайпера, что представлялось верной гибелью...

Здесь оставаться было бессмысленно и, потеряв всякую надежду, я пошел вперед. И вдруг я заметил, как из-за угла соседней ули-

59. Герой Советского Союза командир батальона капитан С. А. Неустроев. 1945

цы выехала небольшая самоходка с пушкой. Это шла мне навстречу удача! Подбежав к ней, я рассказал сидящему вверху танкисту все, что случилось, и попросил мне помочь. Как оказалось, самоходка специально занималась уничтожением снайперских гнезд. Подумав, мы решили, что он проедет в тот переулок, образовав своей машиной барьер от снайперских пуль, а я тем временем под такой охраной подберу свое оружие.

Конечно, я немного рисковал, но надеялся на то, что вряд ли фашист даст себя обнаружить перед такой огненной мощью. Заняв условленное место и дав по предполагаемому снайперу несколько выстрелов, танкист крикнул, что пора действовать. Молниеносно выскочив из-за угла и оказавшись на дороге под прикрытием брони, я схватил свой пистолет и мгновенно вернулся обратно. Это заняло секунды. Держа в руках оружие, мне казалось, что я приобрел новые силы...

Сейчас только осталось мысленно поблагодарить хорошего парня из самоходки, ибо больше увидеть его я не смог. Машина, лязгая гусеницами, уехала в глубь переулка. Очередное задание редакции было дано троим — двум корреспондентам и мне — двадцать пятого апреля, когда бои в Берлине достигли предельного накала и нашим воинам приходилось драться за каждый дом и даже этаж. Все это не было похоже на прежнее. Мы чувствовали, что предстоящая задача потребует особых усилий. Нам необходимо было попасть в расположение 52-й гвардейской дивизии, но место ее действия мы знали весьма приблизительно. В поисках нужного полка мы остановились у воинов другой части, занимавших здание третьеразрядного кинотеатра. Помещение было набито отдыхавшими после боя бойцами, поражала приподнятость их настроения, и, хотя впереди еще предстояли дни напряженных и опасных схваток с врагом, всех ободряло сознание того, что война идет к концу.

В углу фойе мы застали забавную сцену: у стойки бывшего буфета стоял пожилой немец и успешно торговал каким-то лимонадом. Это общение на деловой почве вызывало немало улыбок и, по-видимому, пришлось по вкусу обеим сторонам.

Приняли нас хорошо, угостили лимонадом, мы решили собрать материал о лучших из этих бойцов. К сожалению, из-за недостатка времени я мог изобразить только одного воина, выбор пал на парторга роты рядового К. Садова. Здесь оказалось столько замечательных лиц, что,когда рисунок, делавшийся под коллективным наблюдением присутствующих, был закончен, мне не хотелось прекращать работу. Но над нами висело задание редакции, и, попрощавшись, мы отправились в дальнейший путь по бесконечным,

60. Герой Советского Союза командир батальона капитан К. Я. Самсонов. 1945

гремящим взрывами и выстрелами улицам Берлина.

Мы завернули в переулок, не отличавшийся от множества других. Вначале все выглядело обычно, но вскоре мы почувствовали, что попали под обстрел замаскированных огневых точек, и пытались использовать любое укрытие, чтобы продвинуться вперед. Временами мне казалось, что летящие пули заполнили собой все окружающее пространство, я ощущал их смертельный полет вокруг своего тела.

Помню, что приткнулся к расщелине здания и увидел на другой стороне переулка опередивших меня товарищей, увертывавшихся от губительного огня.

И здесь случилось незабываемое. Последнее мгновение сознания зафиксировало в моей памяти невероятный грохот, ослепительную вспышку огня и тупой удар в голову...

Я пришел в себя и, открыв с трудом засоренные глаза, пытался понять, что со мной произошло. Особенно гудела правая часть головы, как будто рядом звонил колокол. Желая подняться, я почувствовал повсеместную боль, было такое ощущение, словно меня провернули в мясорубке.

Шаг за шагом мне пришлось восстанавливать в памяти предыдущее. По-видимому, воздушной волной разорвавшегося вблизи снаряда я был отброшен в расщелину. Я удивился, что не был проткнут находившимися вокруг острыми камнями, и только сейчас понял спасительную роль моей папки для рисования, хранившейся в вещмешке за спиной. Конечно, тогда я не думал о результатах этого происшествия, оставившего впоследствии предательский след в моем здоровье. В этот момент меня волновали совсем другие вопросы. Мобилизовав все силы, я выполз из каменной норы и, оглядев переулок, заметил, что обстановка в нем изменилась: откуда-то появившиеся пушки уничтожали очаги сопротивления противника.

Увы, часов у меня не было, и определить, сколько прошло времени, не представлялось возможным. Беспокоила судьба товарищей. Оставалось только одно: разыскать штаб полка; таилась надежда, что там найдутся их следы. При помощи какого-то бойца мне удалось найти нужное место, оказавшееся на соседней улице. Этот отрезок пути я преодолел с большим трудом, кружилась голова, подводили ноги.

При входе в полуразвалившийся дом я нечаянно толкнул одетого в ватник человека. Неизвестный воин (он был без погон) обругал меня. При ближайшем рассмотрении это оказался знакомый еще по Латвии командир артполка 52-й гвардейской дивизии подполковник Н. И. Биганенко. Покрытый пылью, со ссадинами на лице, я был неузнаваем.

В подвале, где размещался штаб полка, шла напряженная оперативная работа, и о корреспондентах газеты ничего сообщить мне не могли. Санинструктор оказал мне помощь, и после непродолжительного отдыха я воспользовался попутным связным и направился в штаб дивизии.

61. Герой Советского Союза разведчик сержант М. А. Егоров. 1945

Только через день, при содействии редактора дивизионной газеты капитана В. Ф. Морозова, мне удалось вернуться в нашу редакцию. Проходя по поселку Ной-Линденберг, где находился штаб армии, я увидел командующего генерал-полковника В. И. Кузнецова, задумчиво стоявшего у крыльца своего дома с усталым и озабоченным лицом. Еще находясь под впечатлением того, что творилось в Берлине, я подумал, каким мужеством должен был обладать этот небольшого роста человек, чтобы нести такую ответственность...

Мое появление в редакции было неожиданным. Выяснилось, что мои спутники — корреспонденты, оказавшиеся живыми и невредимыми, сообщили о моей гибели. Редактор майор Маслин, появившийся у нас несколько дней назад, мало еще знал сотрудников газеты и воспринял эту весть как обычное на войне происшествие. Но, уведомленный о случившемся, начальник политотдела армии полковник Ф. Я. Лисицын очень огорчился и приказал найти мой «труп», на поиски которого выезжал в Берлин наш замечательный шофер Яша Силкин.

В те исторические дни каждый из нас делал, что мог, не время было думать о своих недомоганиях, и через день с неизменной папкой за спиной я опять отправился кочевать по горящим улицам Берлина.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Бои в Берлине приближались к концу. Части нашей армии вплотную подошли к рейхстагу. Радостное напряжение достигло предела, каждый солдат и командир понимал, что взятие этого последнего оплота фашистов символизирует окончательную победу над гитлеровской Германией.

Но овладеть рейхстагом было не просто. Остатки некогда грозной фашистской армии отчаянно сопротивлялись. Здание было превращено в настоящую крепость. А война уже кончалась, и каждому хотелось дожить до победы.

И вот — свершилось. Весть о победоносном штурме рейхстага молнией облетела всю армию. Все мысли были обращены к тем, кто совершил этот славный подвиг, кто первым ворвался в рейхстаг, кто водрузил над ним победное знамя. Армия хотела знать своих героев.

Нашу газету «Фронтовик» лихорадило. Вечером, в знаменательный день этого двойного праздника (было Первое мая), меня и корреспондента газеты А. Кузнецова вызвали к редактору. Нам было поручено привезти материал из рейхстага. Задание было исключительное по своей важности и необычности.

В рейхстаге еще шли бои. Над ним развевалось Знамя Победы, а внутри уже второй день наши бойцы героически сражались с фашистами. Загнанные в подвалы рейхстага враги упорно не хотели сдаваться: численный перевес был на их стороне.

62. Герой Советского Союза разведчик младший сержант М. В. Кантария. 1945

Ночью я почти не спал. Нет большей радости для художника, чем сознание того, что его работа нужна людям, что и он вносит свой посильный вклад в общее дело. Рисуя воинов, я всегда чувствовал их доброжелательность, заинтересованное отношение, даже в тяжелой обстановке боевых будней, когда мое появление с папкой в руках могло, казалось бы, вызвать лишь недоумение.
Я и прежде рисовал героев. Но это задание было самым желанным и почетным.
На рассвете мы отправились в рейхстаг. По пути уже узнали, что сегодня капитулировал берлинский гарнизон. Было второе мая.
В городе чувствовалось оживление. По разрушенным улицам под конвоем наших бойцов брели группы гитлеровцев. Стали появляться жители. Около нас остановилась легковая машина с белым флажком на радиаторе. На ее заднем сиденье полулежал раненый вражеский генерал. Шофер по-немецки просил нас указать ближайший советский госпиталь.
Чудеса!
Кое-где еще раздавались редкие выстрелы. Но это уже были последние судороги. Война умирала.
И вот мы на Королевской площади (Кенигплац). Впереди было закопченное, побитое здание. Зияли пробоины в замурованных окнах, с крыши клубами валил густой дым. Исклеванный фасад был расцвечен флагами, водруженными при штурме. А на самом верху, на полуразрушенном куполе, борясь с дымом и ветром, гордо реяло Красное Знамя Победы.
Наконец, мы в рейхстаге. Вот они, герои!
К ним все эти дни были прикованы наши сердца. На их усталых, возбужденных лицах читается радость нелегкой победы. А вокруг — перевязанные бойцы, прикрытые трупы, нестерпимый запах гари.
В темном помещении, освещенном лампой, знакомимся с полковником Зинченко (подразделения его полка первыми ворвались в рейхстаг), с капитаном Неустроевым, командиром героического батальона. Капитан — молодой, небольшого роста, подвижный, с решительным лицом и смелым, открытым взглядом. Да, именно таким человеком представлялся мне командир отважных.
Здесь был и замполит Неустроева, лейтенант Берест, человек необыкновенной храбрости. В качестве парламентера он вел переговоры с фашистами, засевшими в подвалах рейхстага. Он же сопровождал Егорова и Кантарию, когда те взбирались к куполу со Знаменем Победы.
С радостью обнял я своего товарища капитана И. У. Матвеева, агитатора политотдела дивизии, участвовавшего также в штурме рейхстага.
Кругом было много замечательных людей. Но согласно редакционному заданию я должен был нарисовать лучшего из лучших солдат и младших командиров. Неустроев и Зинченко назвали

63. Герой Советского Союза командир роты старший сержант И. Я. Сьянов. 1945

старшего сержанта Сьянова.
Мы поднялись на второй этаж.
Мне казалось, что я должен сразу узнать Сьянова — ведь художники считают себя физиономистами.
И вот передо мной стоит высокий воин лет под сорок, в старой солдатской шинели. Внешне самый обыкновенный. Пожалуй, если бы мне не указали на него, я бы прошел мимо. Совсем не был он похож на героя.
Я присматривался к его суровому лицу, на котором отчетливо проступали следы пережитого напряжения. Он удивленно нахмурился, а потом добродушно и немного растерянно улыбнулся, когда мы сказали, зачем пришли.
Илья Яковлевич Сьянов еще на подступах к Берлину заменил раненого командира роты и одним из первых ворвался в рейхстаг со своими бойцами, лично уничтожив около двадцати гитлеровцев.
Тогда я еще не знал, что прошедшей ночью ему доверили участвовать в переговорах с представителями фашистского командования в Берлине. А это было более чем опасно.
К сожалению, времени оставалось в обрез — нас ждали в редакции. Надо было срочно приниматься за работу. В полутемном коридоре беспрестанно сновали люди, и, чтобы нам никто не мешал, Сьянов распахнул дверь ближайшего помещения. В этой комнате рейхстага я и рисовал советского воина, который, пройдя тяжелейший путь Великой Отечественной войны, закончил его победителем. Потом мы простились с героями рейхстага, и я, как драгоценность, уносил с собой рисунок — простое и мужественное лицо человека, которое увидят в газетах воины всей нашей армии.
Я ушел с мыслью, что скоро вернусь сюда опять.

ТРЕТЬЕ МАЯ

Едва дождавшись рассвета, я снова направился к рейхстагу, на этот раз с рядовым В. К. Ошеньком. Когда опять увидел знакомое здание, то удивился... Еще вчера здесь было безлюдно, а сегодня толпы народа заполнили изрытое пространство вокруг рейхстага. Воины, пользуясь теплым весенним днем, отдыхали, делились впечатлениями, кругом стоял шум веселых голосов. Казалось, люди собрались сюда, чтобы поклониться месту, ставшему отныне символом мужества и славы советского народа. Сколько замечательного и волнующего было в этом стихийном празднике!
Конечно, как всегда в таких торжественных случаях, появились любители фотографироваться; группами и в одиночку они позировали перед объективами на фоне рейхстага.
Бурную деятельность проявляли запоздалые кинооператоры и фотокорреспонденты, задним числом пытаясь восстановить упущенные исторические кадры. Они командовали массовкой, заставляя скромных героев снова повторять то, что уже безвозвратно ушло в прошлое. Так были сняты эпизоды штурма рейхстага и другие «документальные» кадры, впоследствии получившие большую известность.

64. Рейхстаг со стороны Королевской площади. 1945

65. Герой Советского Союза старшина И. Н. Лоскутников. Германия. 1945

66. Герой Советского Союза командир 756 полка 150-й стрелковой дивизии полковник Ф. М. Зинченко. При штурме рейхстага батальон его полка первым ворвался в фашистское логово. 1945

Здесь, у рейхстага, среди шумящей толпы, я нашел уголок, где можно было расположиться и начать работать. В этой своеобразной мастерской на открытом воздухе я нарисовал двух замечательных воинов — Кошкарбаева и Хабибулина.

Командир взвода Рахимжан Кошкарбаев, молодой лейтенант в кожанке, добежал до рейхстага в числе первых и укрепил над входом штурмовой флаг.

Артиллерист, сержант Николай Хабибулин сопровождал со своей пушкой наступающую пехоту и первым прямой наводкой открыл огонь по рейхстагу.

Герои позировали, стесняясь бойцов, собравшихся вокруг. Не менее смущался и я, слушая замечания зрителей по поводу моих рисунков. Но приобретенная на фронте практика помогала мне сосредоточиться и работать на людях. Признаться, в глубине души я даже был рад, что окружен таким вниманием. Но как мне было нелегко! Точность каждой линии, каждого штриха сейчас же проверялась десятками внимательных, требовательных глаз.

Я уже готовился приступить к очередному рисунку, когда появились корреспонденты нашей газеты и соблазнили меня поразительным предложением — посмотреть на... Геббельса. Вернее, на его труп. Мы уже знали, что он, боясь возмездия, покончил с собой, но увидеть его останки — казалось невероятным.

В помещении какой-то школы, на низком импровизированном столе лежал полуобгорелый труп того, кто многие годы был министром пропаганды Третьего рейха и отравлял ядом фашизма души своих соотечественников. Его высохшее, напоминающее мумию лицо было искажено судорогой. Особенно поражала приподнятая рука с растопыренными пальцами, застывшими в цепком, хищном движении. Зрелище дополнялось находившимися в глубине комнаты трупами членов семьи Геббельса и последнего начальника штаба сухопутных войск генерала Крепса.

Получив разрешение нарисовать Геббельса, я, волнуясь, принялся за работу. Эти отпущенные мне двадцать пять минут я провел в каком-то лихорадочном состоянии. Никогда моя рука так точно не работала: я стремился предельно правдиво передать облик одного из злейших врагов нашей Родины, мне казалось, что это необходимо сделать для истории.

Трудно описать, что я тогда чувствовал. Не верилось в реальность происходящего, в то, что после всего пройденного на фронте я уцелел и сейчас рисую Геббельса, имя которого мы с ненавистью и проклятием произносили все эти годы.

Время быстро текло, дорога была каждая минута, я боялся появления новых посетителей и неожи-

67. Берлин. Бранденбургские ворота. Вид со стороны улицы Унтер ден Линден. 1945

68. Начальник штаба батальона С. А. Неустроева капитан К. В. Гусев. Участник штурма рейхстага. 1945

69. Агитатор политотдела 150-й стрелковой дивизии капитан И. У. Матвеев. Участник штурма рейхстага. 1945

70. Герой Советского Союза разведчик сержант М. А. Егоров. 1945

данных помех. Между тем в глубине комнаты работали наши разведчики, сюда привели в качестве свидетелей фашистского вице-адмирала Фосса и шеф-повара имперской канцелярии Ланге. Немцы называли имена, опознавали трупы и сообщали отдельные подробности.

Наконец рисунок был закончен. Еще раз я оглядел место, принесшее мне столько необыкновенных переживаний, и, бережно прижимая папку, вышел на улицу. А там светило солнце, такое радостное, ласковое, и этот контраст был символичен.

ДВА «РЕЙХСТАГА»

3 мая я попал в редакцию только к вечеру и, усталый, принялся за текущую работу для очередного номера газеты. Но мысли мои все еще неслись по Берлину. Хотелось снова видеть радостные лица бойцов и рисовать без конца. К сожалению, это от меня не зависело; газета требовала ежедневного материала и без художника не могла обойтись.

И вот сегодня я опять у рейхстага. Перед зданием и внутри него — невиданное скопление людей, увеличивающееся ежечасно. Все стены вестибюля покрыты надписями, для новых трудно найти место, и некоторые автографы сделаны уже высоко на карнизах большими буквами, чтобы их можно было прочесть снизу. Удивительно только, как это наши ребята ухитрились туда добраться.

Заглянул я и в подвал рейхстага. По рассказам, во время штурма там засело много фашистов, капитулировавших только утром второго мая. Подвалы, действительно, были огромными. Гигантской длины коридор напоминал улицу, по сторонам его находились помещения, где теперь разместились наши бойцы.

Уже несколько дней я бывал в рейхстаге и, конечно, очень хотел нарисовать его, но все не хватало времени. И вот сегодня я решил во что бы то ни стало осуществить это намерение.

Почти отовсюду рейхстаг был хорошо виден, но изобразить его мне хотелось с той стороны, где проходило основное наступление. Я пошел по Королевской площади, выбирая место, и остановился около какой-то бетонной будки: с этого расстояния глаз мог охватить массив всего здания.

Здесь шли на штурм рейхстага наши воины. Путь им преграждал ров, который нужно было преодолеть под огнем фашистов. Сейчас через него был перекинут деревянный мостик, построенный нашими саперами, а прежде, как рассказывал Михаил Егоров,

71. Берлин. Площадь Вильгельма I
Слева — дворец Вильгельма I. 1945

72. Труп Геббельса. 3 мая 1945

73. Город Тагемюнде на Эльбе. 1945

здесь лежала длинная труба, которую и использовали при штурме бойцы; по ней же перебирались через ров Мелитон Кантария и Михаил Егоров с завернутым в чехол знаменем.

Место выглядело мрачно: горки изрытой земли, глубокие выбоины, обрубки деревьев, какие-то полуразбитые сооружения, беспорядочно брошенные части строительных машин.

Но меня волновал этот кусок вздыбленной земли с дымящимся хмурым зданием. Здесь промчался последний огненный ураган, и я рисовал теперь его недавние разрушительные следы, мысленно восстанавливая сцены минувших боев.

Мне никто не мешал. Было тихо, пустынно. Казалось, что вокруг уже веет историей и пейзаж, возникающий сейчас на чистом листе, тоже становится ее частицей, свидетельством этих неповторимых дней.

Вдруг какая-то тень легла на мой почти законченный рисунок. Я обернулся — за спиной у меня стоял полковник Зинченко в сопровождении связного. Оба — в солдатских ватниках. За эти дни нам приходилось неоднократно видеться и разговаривать. Очень хотелось сделать его портрет и именно при свете лампы, как я его впервые увидел в рейхстаге. Позже я так и нарисовал его.

Командир 756-го полка был небольшой, плотный человек с полным бритым лицом. Во всем его облике чувствовалась сдержанность, выработанная годами воинской службы. За ним укрепилось звание коменданта рейхстага.

74. Мост через Эльбу, построенный саперами батальона Жукова у города Тагемюнде. 1945

75. Командир 674 полка 150-й стрелковой дивизии, штурмовавшей рейхстаг, полковник А. Д. Плеходанов. 1945

76. Саперы капитана Зверева читают газету. 1945

Мы поговорили о моем рисунке, о выбранном месте, так ему знакомом. Не желая отвлекать меня от работы, полковник попрощался и пошел к «своему» рейхстагу, где он расположился в одной из комнат нижнего этажа.

Это было четвертого мая. Когда я на другой день снова попал в Берлин, мне захотелось еще раз взглянуть на рейхстаг с того места, откуда все началось.

За рекой Шпрее, в конце улицы Мольтке, с правой ее стороны, находилось высокое темное здание бывшего министерства внутренних дел, так называемый «дом Гиммлера». Отсюда и начался исторический штурм рейхстага воинами батальона Неустроева и Давыдова.

Улица была узкой и упиралась в канал. С левой стороны, напротив «дома Гиммлера», стоял светлый дом с разбитым верхом и сохранившимся угловым балконом. Оба здания образовывали своего рода боковые кулисы, за которыми открывался вид на все еще дымящийся рейхстаг. Перед каналом скопилось много подбитых танков и другой техники. Уже по одному этому можно было представить себе, какие здесь происходили бои.

Я устроился на броне какой-то машины и раскрыл папку.

Солнце светило справа. «Дом Гиммлера» выглядел черным силу-

77. Корреспондент армейской газеты «Фронтовик» капитан А. И. Кузнецов. 1945

этом на фоне голубого неба и отбрасывал густую тень почти на всю улицу. Может быть, поэтому светлым казался ярко освещенный рейхстаг. Его знакомые очертания с башнями по бокам из-за дальности расстояния теряли свои детали, алое знамя на куполе то вспыхивало звонким огнем, то линяло в облаках набегавшего дыма. Пока я рисовал, появились два бронетранспортера и принялись с упорством муравьев растаскивать мертвую технику. Пейзаж менялся на глазах. Я успел нарисовать только несколько подбитых боевых машин и следы тягачей, прокладывавших свой путь среди нагромождения обломков, камней и земли. Как жаль, что я не мог вырваться сюда раньше.

Как и там, где я сделал первый рисунок, здесь было полное безлюдье, и, должно быть, поэтому меня и удивила неожиданно появившаяся человеческая фигура. Я узнал в ней Василия Субботина, скромного, вихрастого юношу, корреспондента газеты 150-й дивизии, той самой, что штурмовала рейхстаг. Позже я понял, что бродил он здесь не из простого любопытства: его влекла неугомонная душа писателя-очевидца, мечтавшего рассказать когда-нибудь людям об этих исторических днях.

Рисунок был закончен. Я слез с бронированного сидения, спрятал свою папку в вещевой мешок. Я был счастлив. Разминая затекшие от долгой неподвижности ноги, я вышел на освещенный солнцем берег Шпрее.

САЛЮТ ПОБЕДЫ

Сбылась моя мечта: в редакции меня отпустили на некоторое время «в свободный полет». Это значило, что я мог располагать собой по собственному усмотрению.

Но времени все равно не хватало. Нужно было успеть зафиксировать то, что уходило безвозвратно. А кругом возникали все новые картины. Неожиданные, интересные: человеческие массы, исторические здания — все это жило не отдельно друг от друга, а в особенных, удивительных сочетаниях.

Поражали нескончаемые потоки бывших пленников, направляющихся на запад. Это была многоликая, многоголосая масса людей, облаченных в невообразимые одеяния. Женщины, дети, тележки с нищенским скарбом, в некоторые были впряжены собаки. Но, несмотря ни на что, это было шествие счастливых, свободных людей. Они шли группами, с флажками своих стран, мимо Бранденбургских ворот и рейхстага и благодарно улыбались советским воинам, избавившим их от фашистского рабства.

Я поселился в рейхстаге у Неустроева, среди моих новых друзей-героев. Но до койки я добирался только ночью, усталый от работы и впечатлений.

Время, проведенное там, незабываемо. Сколько замечательных людей удалось узнать! Бывало, несмотря на усталость, я долго не мог заснуть и в полутьме всматри-

вался в ряды коек, испытывая необыкновенное, возвышенное чувство любви к спящим на них воинам, имена которых уже стали почти легендарными.

Вечером седьмого мая произошло памятное событие.

Помещение, где мы находились, освещалось лампой, установленной на огромном круглом столе. Кто-то спал, кто-то тихо разговаривал, чтобы не мешать другим. Казалось, что время остановилось. Мирные часы были неестественны. Так часто бывает в жизни: неимоверное последнее усилие осталось позади. Все преодолено. Цель достигнута. Людей еще сковывает долгая усталость. Но сама эта усталость радостна.

Вдруг на пороге появились незнакомые офицеры. Они стали шумно, с пафосом приветствовать героев рейхстага. Гости оказались московскими журналистами (Коробов из «Комсомольской правды» и корреспондент радио, фамилию которого я не запомнил).

Много представителей прессы побывало в рейхстаге, и поэтому хозяева были довольно равнодушны к уже привычным для них восторженным поздравлениям. Но тут эти двое сообщили нечто такое, что заставило всех вскочить на ноги: завтра в присутствии командования союзников представители фашистской Германии подпишут акт о безоговорочной капитуляции.

Итак, война окончена! Это было подобно тому, как если бы взорвался огромный заряд радости, расплескивая кругом свою торжественную силу. Поднялся шум. Все бросились обнимать и поздравлять друг друга. Воины, привыкшие столько лет держать оружие, использовали его в последний раз в победном салюте. Необычен был этот салют Победы из изуродованных окон рейхстага.

Потом все уселись за большой круглый стол, который вдруг оказался удивительно нужным. На нем появились запасы еды и питья. Начались шумные тосты за Победу, за Родину, за будущую мирную жизнь.

Все понимали неповторимость этого времени, каждый день и час которого становится историей, неповторимость этой встречи.

И тут как-то сама собой возникла мысль обменяться сувенирами, которые останутся у каждого как память об этом вечере в последней цитадели фашистского рейха. Моим соседом оказался замеча-

78. Город Стендаль (Саксония). После налета авиации союзников. 1945

79. Город Стендаль. Следы бомбежек авиации союзников. 1945

тельный храбрец лейтенант Берест, тот самый, что в форме полковника ходил на переговоры с фашистами. Его подарок — наручные часы — и сейчас хранится в моей семье как самая дорогая реликвия.

Потом мы долго не могли заснуть. Разговоры затихали постепенно, но усталость взяла свое, и наконец заснули последние.

Посреди ночи мы были неожиданно разбужены. Оказалось, что опять загорелся рейхстаг, и нашу комнату заволокло дымом. Здесь в разных местах здания хранились какие-то архивы, которые продолжали тлеть и периодически воспламенялись. Пришлось переселиться в соседний дом, на что потратили добрую часть ночи.

ВОСЬМОЕ МАЯ

Моя командировка кончалась. Вечером я должен был явиться в редакцию, находившуюся в предместье Берлина.

День выдался весенний, солнечный. По небу медленно плыли легкие, словно только что нанесенные акварелью облака. Перед рейхстагом шумел многолюдный воинский табор. Бойцы брились прямо на улице, пристроив зеркальце где-нибудь на броне танка. Я отправился бродить по городу, высматривая наиболее характерные пейзажи. Какой-то военный, прикрепив холст к автомашине, писал этюд. Я подошел поближе: вдруг окажется знакомый. В эти дни я встретил немало людей, с

которыми меня сводила судьба в разные годы войны. Мне даже стало казаться, что все фронтовые дороги вели в Берлин. Но этого человека я не знал, и, мысленно пожелав ему успешной работы, я пошел дальше.

Мое внимание уже давно привлекали Бранденбургские ворота. Я вышел на Унтер ден Линден, прямую, обсаженную липами улицу. Отсюда ворота выглядели более интересно. Разбитую бронзовую квадригу венчало Красное знамя нашей Родины, подхваченное ветром и солнцем. Покалеченные снарядом кони как будто остановились над пропастью.

Сколько раз, еще в довоенные годы, видел я фотографию этого сооружения. Там оно выглядело торжественно, монументально. Может быть, пробоина в колонне нарушила впечатление или что-нибудь другое, но мне ворота совсем не казались величественными, когда я рисовал их.

Улица Унтер ден Линден своим другим концом упиралась в площадь, на которой возвышался дворец Вильгельма I. Перед зданием стоял огромный памятник этому монарху, сделанный с верноподданнической и фальшивой помпезностью. Германского императора окружал ряд аллегорических фигур, среди которых запомнилась женщина, идущая около коня державного всадника. Монумент пострадал от обстрела, и у его подножия валялись части бронзового рыцаря; меня поразил размер его гигантской руки в перчатке.

В центре площади, на возвышении, стояла наша регулировщица. Она весело и деловито орудовала флажками. Может, это была одна из тех девушек, что когда-то под дождем и снегом показывали нам путь еще на калининских дорогах. Я смотрел на эту ладную, родную фигурку, и сердце радовалось, что вижу ее в центре Берлина. Я не мог устоять и нарисовал возникшую передо мной картину последнего дня фронтовой жизни, дня восьмого мая.

80. Гвардии майор П. Брызгалов. 1945

С закатом солнца я возвращался в редакцию. Темнело. Стояла еще непривычная тишина, и вечер, напоенный ароматом молодой зелени, был удивительным.

И вдруг одна за другой начали взлетать ракеты. Цветные светящиеся фонтаны таяли в небе, оставляя за собой пышные дымные хвосты. Нарядные огоньки радостно плясали и сулили долгожданную мирную жизнь. Я не знал, откуда взялся этот веселый

81. Город Стендаль. Площадь перед ратушей. 1945

82. Командир истребительного батальона капитан П. Н. Хвостенко. Участник боев за Берлин. 1945

танец фейерверков. Может, кто-то, как и мы вчера в рейхстаге, заранее праздновал завершение войны?
Это был вечер накануне великого праздника — Дня Победы.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Сегодня девятое мая, мы с А. И. Кузнецовым опять поехали в Берлин. Путь наш лежал в участвовавший в городских боях полк подполковника Николаева. Здесь должны состояться митинг и парад, посвященные Дню Победы. Сюда на торжество прибыли начальник политотдела 79-го корпуса полковник И. С. Крылов и командир 171-й стрелковой дивизии полковник А. И. Негода, чтобы вместе с бойцами и командирами встретить этот исторический день.
Полк торжественно построился. Слова, доносившиеся с трибуны, глубоко волновали каждого воина, прошедшего тяжелый длинный путь, полный лишений и опасностей. Люди слушали и вспоминали свое боевое прошлое. Победа им досталась нелегко. Вспоминали и своих товарищей, жизнь которых трагично оборвалась в последние дни войны на улицах этого чужого города.
Я стоял на балконе соседнего дома и смотрел на эту мощную компактную массу людей, одетых в военную форму. Пройдет немного времени, и героические воины возвратятся на свою Советскую Родину к семьям и мирному труду.
К сожалению, я не мог отвлекаться, мне необходимо было сосредоточиться, чтобы нарисовать торжественный митинг. Но как я ни старался отогнать нахлынувшие мысли, они невольно возвращались вновь. Ведь все, что волновало этих воинов, касалось и меня... Завтра этот рисунок должен появиться в нашей газете, последний рисунок, сделанный в Берлине.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На этом заканчиваю записи, рассказывающие о бурных событиях Великой Отечественной войны, участником которых я был. Наступили дни мира. Они были заполнены другими делами и заботами. Наша армия передвигалась. На ее пути появлялись новые города, многие из них пострадали от войны, которая велась уже на территории Германии, вопреки прогнозам фашистских стратегов. Возникали новые впечатления, надо было привыкать к другому укладу жизни, преодолевать

83. Старшина А. М. Максимов. Участник боев за Берлин. 1945

84. Командир стрелковой роты капитан Д. Л. Эпов. Участник боев за Берлин. 1945

85. У знамени 756-го стрелкового полка. Участники штурма рейхстага старший сержант В. И. Чурбанов (слева) и старший сержант П. Д. Щербина. 1945

86. М. В. Кантария (слева), И. Д. Кричевский и М. А. Егоров. Германия. 1945. Фотография

контраст между напряженным финалом последних дней войны и наступившей тишиной. Трудно было свыкнуться с отсутствием стрельбы, взрывов, которыми были наполнены все эти годы.

Новые условия постепенно приобщали нас к мирным дням, началась демобилизация, и люди возвращались домой к своим очагам.

Несмотря на занятость текущей газетной работой, я старался зарисовать участников берлинских боев, пока они находились в нашей армии. Очень сожалею, что мне не удалось это желание осуществить до конца, что не смог изобразить лейтенанта Береста, капитана Давыдова и других героев штурма рейхстага.

Время убежало вперед. Прошло много лет с тех пор, когда были сделаны эти рисунки. Надеюсь, что прочитав мои записки, читатели поймут, в каких условиях приходилось работать.

При подготовке этого альбома в памяти вновь возникли события и люди, с которыми довелось встретиться в грозные дни Великой Отечественной войны. Возможно, что некоторые из изображенных здесь воинов погибли, сражаясь за Родину. Пусть тогда мои рисунки служат им доброй памятью.

Илья Кричевский

ПУТЬ К РЕЙХСТАГУ

Альбом

Автор *И. Д. Кричевский*

Литературная запись
Л. И. Кричевской

Макет и оформление
художника *В. П. Сысоева*

Зав. редакцией *Б. И. Ривкин*

Редактор *Т. И. Хлебнова*

Художественный редактор
И. А. Шиляев

Технический редактор
Н. А. Чижонкова

Корректоры *Н. М. Скляренко,*
М. М. Никишина

ИБ № 1098. Научно-популярное издание

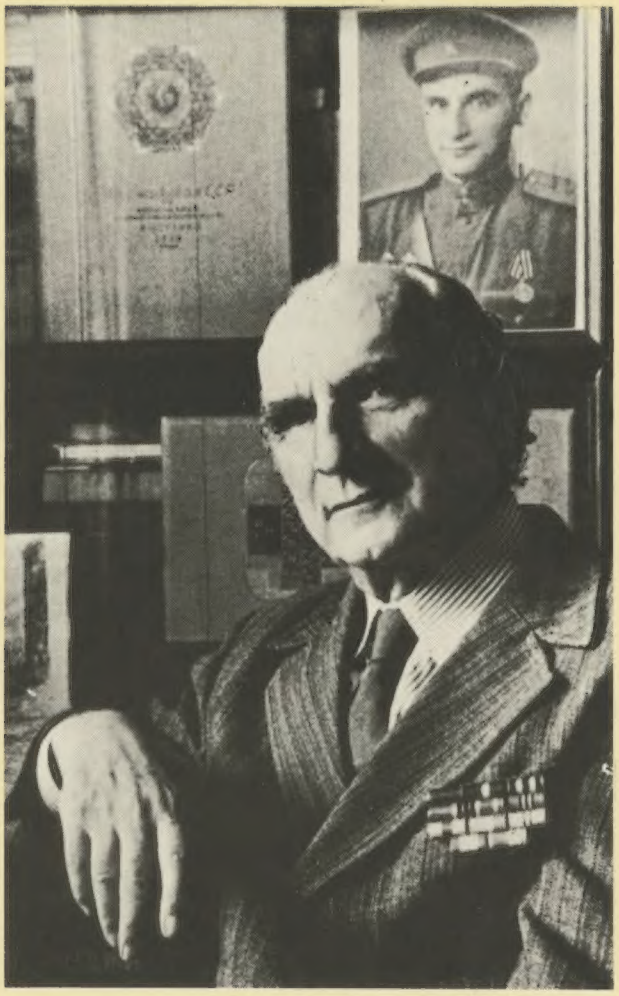
Сдано в набор 15.12.88. Подписано в печать 15.11.89. Формат 60×90 1/8. Бумага мелованная 120 г. Гарнитура обыкн. новая. Печать офсет. Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 7,58. Усл. кр.-отт. 16. Изд. № 3-330. Тираж 14 000. Заказ 5056. Цена 1 р. 50 к.

129272. Москва, Сущевский вал, 64
Издательство «Изобразительное искусство»

Набрано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати. 113054, Москва, Валовая, 28.

Отпечатано в Московской типографии № 5 при Государственном комитете СССР по печати. 129243, Москва, Мало-Московская, 21

1 р. 50 к.



Кричевский Илья Давидович

Родился в 1907г. в Чернигове.
Окончил московский ВХУТЕИН в 1930г.
В первый день войны
ушел добровольцем на фронт.
Воевал в саперных войсках
(командир взвода, роты, начальник
штаба батальона),
работал художником в армейской газете.
Демобилизован в 1946г. График.
Награжден двумя орденами
Отечественной войны II степени,
орденом Красной Звезды
и медалями СССР.